

И. П. Кутык

аспирант кафедры социологии

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова

к. 40, Французский бульвар 24/26, Одесса, 65058, Украина тел.:

+380965812223, e-mail: kutyk.irina@gmail.com

КОРРУПЦИЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: К МЕТОДОЛОГИИ ПОДХОДА

В статье рассматривается феномен коррупции, который представляет собой наиболее яркий пример двойной институционализации. Он выступает индикатором неэффективности институциональных реформ, предпринимаемых государственными структурами, и неготовности населения к их восприятию в качестве действенного механизма совершенствования социальных отношений. Осуществлен анализ причин, уровней, видов и факторов коррупции.

Ключевые слова: социальные институты, двойная институционализация, коррупция.

Постановка проблемы. Научный интерес к феномену коррупции как социальному явлению в современном обществе обусловлен множественностью факторов. Переходный период породил не только позитивные перемены в экономике, но и негативные последствия в Украине. Последние проявились прежде всего в усилении социальной дифференциации, изменении самой структуры преступности, особенно ее организованных форм, обострении проблем, связанных с обеспечением личной и общественной безопасности, прав и законных интересов каждого гражданина, общественных формирований, юридических лиц независимо от форм собственности.

Ученые утверждают, что коррупция как социальное явление существует практически во всех странах мира. Однако в Украине это явление становится все более опасным и отражается как в диалогах политиков, вещающих с телеэкранов, так и представителей разных ведомств, обсуждающих способы борьбы с ней в прессе, на новостных полосах в Интернете, а также в повседневных разговорах рядовых граждан [1; 2; 3].

Главной функцией социальных институтов является удовлетворение тех или иных общественных потребностей. С течением времени протекающие в обществе процессы изменяют потребности как отдельных индивидов, так и целых социальных общностей, что в свою очередь меняет характер отношений социальных институтов как между собой, так и с общей социальной средой. Возникает реструктуризация или формирование новых социальных институтов на основе иных социальных норм, ценностей и отношений. Стихийные и непродуманные реорганизации ведут к так называемой «двойной институционализации». Старые и новые институты со-

существуют, обеспечивая своим противоречивым влиянием легальность и легитимность существующего социального порядка. Двойная институционализация возникает, когда на смену формальным институтам приходят неформальные нормы и неправовые практики. Феномен коррупции представляет собой наиболее яркий пример *двойной институционализации*. Он выступает индикатором неэффективности институциональных реформ, предпринимаемых государственными структурами, и неготовности населения к их восприятию в качестве действенного механизма совершенствования социальных отношений [1; 2].

Актуальность проблемы состоит в том, что коррупция, будучи следствием феномена двойной институционализации в украинском обществе, отражает неэффективность управляемости не только институтами, но значительно шире — на социальном уровне в целом и требует более тщательного изучения причин ее возрастания. Учитывая, что коррупция воспроизводится и как данность существует во многих странах мира, важно выявить, *осознается ли она как угрожающее социальное явление в реалиях украинской действительности* и в чем конкретно выражаются *дисфункции институциональной системы*.

Научный акцент в настоящей статье сделан на институциональных факторах, представляющих аккумулярованные социальные практики. Противоречия, обозначенные через анализ функций и дисфункций основных государственных и частных институтов, и обозначение феномена «двойной институционализации» привели к необходимости рассмотреть логику связей, преобразующих отдельные коррупционные действия в системную коррупцию. Это морфологическая детерминация: от действий отдельных людей в рамках бытовой коррупции к организованным девиациям самих институтов и общей девиации ценностей, что и подчеркивает актуальность темы и последовательность подходов к проблеме.

Учитывая противоправные практики, лежащие в основании коррупции, научный интерес сосредоточивается вокруг эффективности деятельности институтов, доверия к ним как выражения оценки осуществляемых ими преобразований и главной задачей становится мера осознанности населением — воспринимается ли она как угрожающее безопасности социальное явление и к каким проявлениям ее чувствительны разные социальные группы в контексте украинской реальности начала 2000-х годов [3].

Возвращаясь к связи коррупции как социального феномена и институтов, являющихся основанием структур интересов разных социальных групп и направленности социальных взаимодействий, можно заметить, что социальный институт, будучи исторически сложившейся устойчивой формой организации совместной деятельности людей, в то же время сам может подвергаться различным изменениям в ходе развития общества. Социальные институты в разновидности их экономических, политических и социокультурных функций обеспечивают стабильность и надежность взаимодействия членов общества. Благодаря этой целостности и упорядоченности их нормативных и регулятивных действий обеспечивается устойчивость социальной структуры и относительный порядок в обществе. Коррупция

не просто нарушает социальный порядок, но воспроизводит совершенно иные способы взаимодействий, разрушая общественный уклад.

Коррупция (от лат. *corrumpere* — «растлевать») — термин, обозначающий использование должностным лицом *властных полномочий* и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее законодательству и моральным установкам [4, с. 775]. В Законе Украины «Про боротьбу з корупцією» дается следующее понимание: «*деятельность* лиц, уполномоченных на выполнение функций государства, направленная на противоправное использование предоставленных им полномочий для получения материальных благ, услуг, льгот или других преимуществ» [5].

Противоправное поведение в этом смысле может быть связано с рациональностью действия. Социальным действием, по М. Веберу, называется такое действие, которое направлено на другого с целью изменения его поведения. Социальные действия М. Вебер классифицирует как целерациональные и ценностно-рациональные. В основе целерационального действия заложены мотивы прагматизма и рациональности [6, с. 67].

В коррупционном действии также присутствуют и рациональность, и прагматизм, но при взаимодействии субъектов в этих практиках направленность на другого определяется *получением выгоды для себя*. Можно ли такое действие назвать социальным? В теории классика немецкой социологии в основе ценностно-рационального действия заложен кодекс чести. При направленности действия на другого нарушается кодекс чести, но вырабатываются новые нормы, которые формируют нормы, определяющие «другую культуру», но не противостоящую общей. Таким образом, используя классическую теорию «идеальных типов», можно предположить, что распространенность коррупции, которая носит латентный характер, формирует определенную систему взаимодействий со «своим» «кодексом чести» [6, с. 67–90].

Формы проявления коррупции. Феномен коррупции, в отличие от его конкретных форм проявления — взяточничества, мздоимства и лихоимства, — нельзя сводить к совокупности корыстных поступков отдельных, пусть даже очень высокопоставленных лиц. Она носит, как указывалось ранее, системный, и институциональный характер. В научной литературе рассматриваются разные виды и формы проявления коррупции.

Политическая коррупция характеризуется высоким социальным положением субъектов правонарушения, имеет место в высших эшелонах государственного управления, связана с «большими» деньгами и риском, происходит в очень сложных, специфических и конфиденциальных условиях. Учитывая возрастающую взаимозависимость участников, усиление «доверия» между ними, можно сказать, что она создает условия для формирования в стране олигархических кланов и потому является наиболее опасной.

Бытовая коррупция — коррупция ради выживания, существует на более низком уровне. Возникает тогда, когда социальные институты перестают выполнять свою функцию удовлетворения потребностей граждан. Наиболее явно проявляет себя в деятельности правоохранительных и силовых

структур, сфере медицины и образования, в нее вовлечены широкие массы населения, скрыть ее не представляется возможным, что также не менее опасно для общих устоев государства [7].

Коррупционными называются действия использования или склонения лиц к использованию должностных полномочий с целью обогащения, за совершение которых предусмотрена гражданская, административная, уголовная ответственность согласно законодательству Украины.

Системная коррупция имеет более масштабный характер. Она включает в себе *комплекс коррупционных действий на институциональном уровне*, нарушает функционирование социальных институтов. Она является следствием двойной институционализации, приводящей социальные институты к их дисфункции.

По интенсивности проявления различают высокие и низкие показатели коррупции. Когда масштабы коррупции сравнительно невелики, ее легко обнаружить и устранить. Но если она имеет широкие масштабы, то бороться с ней довольно трудно.

Постсоветским странам присуща особая форма коррупции — системная. Она является итогом централизованной экономики и распределительных отношений, имевших место в режиме государственного социализма, а на современном этапе — осложненным переходом к рыночным отношениям [7, с. 315–318].

Причины, вызывающие системную коррупцию, в основном совпадают с причинами теневой экономики.

Понятие «трансформация» передает суть и многообразие перехода, то есть существенные изменения как в форме, так и в содержании социальных явлений и процессов. Вектор трансформаций с конца 90-х годов XX века до настоящего времени характеризует состояние перехода — от тоталитарного государства с плановой нерыночной экономикой до демократического общества с рыночной экономикой, правовым государством, развитыми гражданскими структурами. Общество ощущает влияние свойств как прошлого состояния, так и настоящего, обозначившегося в результате изменений конца 90-х — начала 2000-х гг. Таким образом, общественные явления имеют комбинированный характер. Кризис при этом принимает затяжной характер, становится перманентной характеристикой общества и личности. Но это пока не вызывает чувства безысходности, а стимулирует воспроизведение новых способов адаптации к изменяющимся условиям существования, в том числе — возникновение неправовых практик. Можно говорить о характерном для Украины затяжном и экономическом, и политическом кризисе. Даже девиация воспринимается как норма, появляются дискуссии о «нормальной» девиации, которые характерны для комбинированного общества в период аномии, о «выборочном» применении права. Формируется даже сфера «теневого права», «теневой политики», которые объясняют существование теневой экономики. Все это, на наш взгляд, дает основание говорить о *системном характере коррупции* [8, с. 85].

Оценка проявления коррупции в международных документах. Согласно данным Европейского банка реконструкции и развития, который регу-

лярно публикует рейтинги европейских стран на основе индексов либерализма в экономической политике, развития демократических институтов, политической нестабильности и уровня преступности, эффективность правительства в смысле исполнения и контроля за соблюдением принятых законов и распространения коррупции за 2000 г., Украина занимает пятое место после таких европейских стран, как Чехия, Венгрия, Польша, Россия [9, с. 20].

Компания Transparency International широко известна социологическими исследованиями по тематике международной коррупции и мздоимства. *Индекс восприятия коррупции* (Corruption Perceptions Index, CPI) отражает *степень распространения коррупции среди находящихся на данный момент у власти официальных лиц и политиков*. Показатель «степень коррупции» включает два индикатора:

- 1) частоту встречаемости факта коррупции (коррупционных сделок);
- 2) общую стоимость уплаченных взяток (или общий ущерб от коррупционной деятельности).

Обычно они тесно связаны друг с другом, поскольку в странах, где коррупция — массовое явление, *взятки составляют наиболее крупную статью ежегодных расходов коммерческой фирмы*.

Для составления очередного CPI используются данные, собранные в течение трех последних лет. Усреднение результатов за ряд лет дает эффект сглаживания возможных погрешностей. При опросе экспертов *оценку уровня коррупции государства* дают как резиденты, так и иностранцы, проживающие в исследуемой стране, как предприниматели (практики), так и аналитики (теоретики). В целом CPI представляет собой *срез взглядов на распространённость коррупции в конкретном государстве, разделяемых лицами, принимающими ключевые решения в сфере инвестиций и торговли*.

Выбор респондентов неслучаен. Деловые круги как нельзя лучше подходят для подобных опросов, поскольку обладают необходимой информацией в данной сфере. Представители «большого бизнеса», высокопоставленные чиновники, дипломаты обычно имеют дело с так называемой *верхушечной коррупцией*, распространенной в высших эшелонах власти. Рядовые граждане имеют представление о проявлениях коррупции в повседневной жизни, т. е. сталкиваются с *низовой коррупцией*.

А. Шведова, изучая характер проявления коррупции в Украине, предлагает в основу классификации положить характер ее распространенности по вертикали и по горизонтали. На таком основании она выделяет *три уровня коррупции*: первый *низовой* уровень (коррупционные отношения на бытовом уровне граждан в сферах обслуживания, охраны здоровья, образования и т. п.). Это коррупция в форме взяток, главным образом в виде денег или материальных предметов — подарков, «материализованных» благодарностей. Вторым *средним уровнем* коррупции предлагается называть коррупцию на местном уровне, т. е. городского и областного административного самоуправления. На этом уровне коррупционные действия касаются уже не только граждан, а в основном субъектов предпринимательской деятель-

ности — мелкого и среднего бизнеса, местной сети банковской системы и т. п. Ей свойственны другие формы «благодарности», встречных действий, направленных на оказание услуг, приоритетных вакансий. Такие встречные услуги (основывающиеся на нарушении закона) сложнее идентифицировать и квалифицировать как преступную деятельность, а соответственно проводить расследование относительно коррупционеров.

Третий уровень коррупционных действий образуют преступные деяния на высших уровнях государственной власти и общества (политическая элита, правоохранительные органы — прокуратура, высшие судебные организации и прочее). Характерным признаком коррупционных признаков данного действия является использование доступа к власти через высокие должности, политическое лидерство и прочее. Такой характер коррупционных действий еще тяжелее поддается криминальной квалификации, чем деяния предыдущего уровня, но ступень их общественной безопасности является более криминальной по сравнению с предыдущими видами [10].

Обобщая, можно сказать, что характерным признаком первого уровня является обычная взятка, второго уровня — незаконное получение услуг и приоритетов (предложений и прочего), третьего уровня — незаконный доступ к полномочиям власти высших должностных лиц.

Рефлексируя предложенную классификацию А. Шведовой, можно сделать следующие выводы: на втором и третьем уровне коррупционных действий деньги не исчезают, а становятся огромными (для второго уровня — на десятки и сотни тысяч долларов) и очень огромными (для третьего уровня — на десятки и сотни миллионов долларов), меняется только технология их получения — от примитивной и непосредственной через контакт до завуалированных схем предложений, предпочтений — для второго уровня и опосредованных форм в виде рычагов власти — для третьего уровня [10, с. 84].

Не рассматривая весь спектр факторов, влияющих на бытование и воспроизводство коррупции, отметим только в качестве общего вывода, что в Украине коррупция в сочетании с непрофессионализмом чиновников становится одной из причин политических и социально-экономических кризисов. В качестве наиболее существенных по предварительным оценкам причин высокой коррупции из экономических факторов являются:

1 — низкий уровень экономического развития (ВВП на душу населения);

2 — низкий уровень заработной платы в государственном секторе по сравнению с частным сектором;

3 — рост безработицы населения;

4 — экономическая нестабильность, рост цен;

5 — преимущественно государственное регулирование экономики.

Из социальных:

1 — низкая правовая культура страны в целом;

2 — оторванность бюрократической элиты от народа;

3 — зависимость граждан от чиновников, монополия государства на определённые услуги [9].

Коррупцированность системы управления снижает эффективность экономики, институциональный контроль государства, делает мало результативной его деятельность по реализации экономических и социальных программ, подрывает доверие населения к легитимности публичной власти.

Литература

1. Головаха Є. Українське суспільство 1998–2008: Соціологічний моніторинг / Є. Головаха, Н. Паніна. — Київ, 2008. — 85 с.
2. Рущенко І. П. Злочинні стосунки як тип соціальних відносин // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: [Збірник наукових праць.]* — Харків: Видавничий центр Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна, 2002. — С. 315–318.
3. Доверие милиции и латентная преступность: взгляды украинских и российских исследователей / [Ю. А. Свеженцева, В. А. Соболев, И. П. Рущенко, В. И. Диденко, Е. Е. Тонков; предисловие — А. М. Бандурка]. — Х.: Финарт, 2002. — 310 с.
4. Словник іншомовних слів [за ред. О. С. Мельничука]. — К., 1977. — 775 с.
5. Закон України «Про корупцію» від 19.06.2003 р. N 966-IV (Зі змінами та доповненнями) — Режим доступу: <http://zakon1.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi>
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. — М.: Прогресс, 1990. — С. 67–90.
7. Коробов В. К. Общественные оценки распространенности бытовой коррупции в Украине / В. К. Коробов // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наук. праць.* — Х., 2002.
8. Головаха Є. Соціальні зміни в Україні та Європі: за результатами «Європейського соціального дослідження» 2005–2007 роки / Є Головаха, А. Горбачик. — К.: Інститут соціології НАН України, 2008. — 133 с.
9. Костенко О. Формула декриміналізації держави [Електронний ресурс] — Костенко О. Режим доступу <http://maidan.org.ua/static/mai/1113900158.html>
10. Шведова Г. А. Корупція як соціально-політичний феномен сучасного суспільства [Електронний ресурс] — Режим доступу <http://bibl.kma.mk.ua/pdf/naukpraci/politics/2004/34-21-12.p>.

І. П. Кутык

кафедра соціології ОНУ імені І. І. Мечникова

к. 40, Французький бульвар, 24/26, Одеса, 65058, Україна

КОРУПЦІЯ ЯК СОЦІАЛЬНИЙ ФЕНОМЕН: ДО МЕТОДОЛОГІЇ ПІДХОДУ

Резюме

В статті розглядається феномен корупції, який є найбільш яскравим прикладом подвійної інституціоналізації. Він виступає індикатором неефективності інституційних реформ, що робляться державними структурами, і неготовності населення до їх сприйняття як дієвого механізму вдосконалення соціальних стосунків. Здійснений аналіз причин, рівнів, видів і чинників корупції.

Ключові слова: соціальні інститути, подвійна інституціоналізація, корупція.

I. P. Kutik

Department of sociology, Odessa National University
r. 40, French Bul., 24/26, Odessa, 65058, Ukraine

CORRUPTION AS SOCIAL PHENOMENON: TO METHODOLOGY OF APPROACH

Summary

The phenomenon of corruption, which is the most prime example of double institutionalization, is examined in the article. He comes forward the indicator of an ineffectiveness of institutional reforms, of an undertaken state structure and of an unavailability of population to their perception as an effective mechanism of perfection of social relations. The analysis of reasons, levels, kinds and factors of corruption is carried out.

Key words: social institutes, double institutionalization, corruption.